

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ

Карточная игра – символ эпохи конца XVIII –начала XIX вв.

*Что ни толкуй Волтер или Декарт –
Мир для меня – колода карт,
Жизнь – банк; рок мечет, я играю,
И правила игры я к людям применяю.
Гроссман Л. Пушкин*

Карты, карточная игра – своеобразная модель жизни русского общества конца XVIII –начала XIX вв. Это и игра, в рамках которой каждая отдельная карта получает свой смысл по иерархическому месту в системе карт. Это и гадание, при котором на первый план выступают значения отдельных карт. Так, когда в «Пиковой даме» в расстроенном воображении Германна карты обретают внеигровую семантику («тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлора, семерка представлялась готическими воротами, туз огромным пауком»), – то это приписывание им значений, которых они в данной системе не имеют.

«Солидные» и «нравственные» **коммерческие** игры строго ограничивались от «модных» и опасных – **азартных** игр. Известно, что азартные игры в России конца XVIII – начала XIX века формально подвергались запрещению как безнравственные, хотя практически процветали.

Разница между этими видами игр в том, что игроки обладают отличной информацией, которой определяется выигрыш: расчетом или случаем.

В *коммерческих играх* задача партнера состоит в разгадывании стратегии противника, причем в распоряжении каждого партнера имеется достаточно данных, чтобы при способности перебирать варианты и делать необходимые вычисления эту стратегию разгадать. Таким образом, коммерческая игра являлась интеллектуальной дуэлью.

Азартные игры строятся так, что игрок вынужден принимать решения, фактически не имея никакой (или почти никакой) информации. Таким образом, он играет не с другим человеком, а со Случаем.

Мысли о случае, удаче и о связи с ними личной судьбы и активности человека не однажды встречаются в мировой литературе. Античный роман, новелла Возрождения, плутовской роман XVII–XVIII веков, психологическая проза Стендаля и Бальзака отразили различные аспекты и этапы интереса к проблеме. В каждом из этих явлений легко открыть черты исторической закономерности. Однако к обострению проблемы могли привести не только исторические, но и национальные причины. Нельзя не заметить, что весь так называемый «петербургский», императорский период русской истории отмечен размышлениями над ролью случая (а в XVIII веке – над его конкретным проявлением «случаем» – специфической формой устройства личной судьбы в условиях «женского правления»), фатумом, противоречием между железными законами внешнего мира и жадой личного успеха, самоутверждения, игрой личности с обстоятельствами, историей.

Уже во вторую половину XVIII века сложился литературный канон восприятия «случая», «карьера» (слово это чаще употреблялось в мужском роде) как результатов непредсказуемой игры обстоятельств, капризов Фортуны. «Счастье» русского дворянина XVIII столетия складывается из столкновения многообразных, часто взаимоисключающих упорядоченностей социальной жизни. Такие понятия, как «счастье», «удача», и действие, дарующее их, – «милость», мыслились не как реализация непреложных законов, а как эксцесс – непредсказуемое нарушение правил. Игра различных, взаимно не связанных упорядоченностей превращала неожиданность в постоянно действующий механизм. Ее ждали, ей радовались или огорчались, но ей не удивлялись, поскольку она входила в круг возможного, как человек, участвующий в лотерее, радуется, но не изумляется выигрышу.

Роль случая подчеркивала значение в игре, с одной стороны, непредсказуемых факторов, а с другой – выдержки, хладнокровия, мужества, способности не терять головы в трудных

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ

обстоятельствах и сохранять достоинство в гибельных ситуациях – то есть тех качеств, которые следовало проявлять и в сражении, и на дуэли.

Во время игры в неазартные игры допустимы были шутки. Приличным считался сдержанно-шутливый тон. При азартной игре подобные вольности не допускались: игра должна совершаться в полном молчании, игроки обмениваются словами, имеющими прямое отношение к игре, и пользуются, как правило, специальной, условной, «игрежкой» терминологией. Это способствовало развитию особого языка карточной игры, который в дальнейшем бурно проникал в другие сферы культуры, карточная терминология широко входила в язык эпохи.

Граница, отделяющая крупную профессиональную «честную» игру от игры сомнительной честности, была достаточно размытой. Человека, растратившего казенные суммы или подделавшего завещание, отказавшегося от дуэли или проявившего трусость на поле боя, не приняли бы в порядочном обществе. Однако двери последнего не запирались перед нечестным игроком (или соблазнителем девушки). Так, например, в «Горе от ума» (Грибоедов А.С.) Платон Михайлович говорит о Загорецком не только как о доносчике, но и как о шулере:

*При нем остерегись, переносить горазд,
И в карты не садись: продаст.*

Карты привлекали людей пушкинской эпохи не только надеждами на выигрыш, хотя жажда денег играла в карточной игре всегда большую роль. Становясь как бы моделью общественной жизни, карты сулили успех, удачу и, главное, власть. Именно эта жажда власти, которая сосредоточивается в руках умелого банкмета, привлекала к себе опытных игроков так же, как дуэль привлекала бретеров. Даже ведя честную игру, опытный хладнокровный банкмет превращался для взволнованного и неосторожного понтера в воплощенный образ судьбы. Это глубоко показано в «Войне и мире» Л.Н. Толстого в сцене карточной игры между Долоховым и Николаем Ростовым. Толстой ни словом не упоминает о том, что Долохов использует в игре запрещенные приемы, и можно предположить, что игра ведется честная, хотя Долохов нагнетает атмосферу напряженности, сам затеявая неожиданно и не к месту разговор о слухах о своем шулерстве. Более важен подчеркнутый «демонизм» его поведения. Создается специальная атмосфера. «Игра продолжалась; лакей, не переставая, разносил шампанское». На этом фоне Долохов назойливо спрашивает Ростова, не боится ли он его, и, подчиняя себе его волю, заставляет увеличивать ставки. Когда Ростов «раздумал и написал опять обыкновенный куш, двадцать рублей», «Оставь, – сказал Долохов, хотя он, казалось, и не смотрел на Ростова, – скорее отыграешься». Тут же, вступая в противоречие с этими успокоительными словами, Долохов подчеркивает перед Ростовым свою фатальность: «Другим даю, а тебе бью. Иль ты меня боишься? – повторил он». Этот мотив боязни Долохов повторяет несколько раз, как бы навязывая Ростову психологическое состояние. «Так ты не боишься со мной играть? – повторил Долохов, и, как будто для того, чтобы рассказать веселую историю, он положил карты, опрокинулся на спинку стула». Долохов прерывает игру в напряженный момент для того, чтобы неожиданно и, казалось бы, не к месту рассказать, что в Москве его считают шулером, и тут же, резко прервав разговор, он выигрывает у Ростова огромную сумму. Такое «фатальное» поведение входило в маску бретера и, шире, в стереотип романтического демона.

Ситуация азартной игры – прежде всего ситуация поединка: моделируется конфликт двух противников. Азартная игра, даже если в ней участвовали профессиональные игроки, могла вестись честно, в соответствии с правилами, но и в этом случае профессиональный игрок, ведущий игру, в конечном счете оказывался в более выигрышном положении по сравнению с понтером.

В сюжетах из русской действительности между социальными причинами и сюжетными следствиями введено еще одно звено – случай. От Пушкина и Гоголя идет традиция, связывающая именно в русских сюжетах идею обогащения с картами (от «Пиковой дамы» до «Игрока» Достоевского) или аферой (от Чичикова до Кречинского).

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ

Как уже говорилось, игра в карты была чем-то большим, чем стремление к выигрышу как материальной выгоде. Так смотрели на карту только профессиональные шулера. Для честного игрока пушкинской эпохи (а честная карточная игра была почти всеобщей страстью, несмотря на официальные запреты) выигрыш был не самоцелью, а средством вызвать ощущение риска, внести в жизнь непредсказуемость. Это чувство было оборотной стороной мундирной, пригвожденной к парадам жизни. Петербург, военная служба, самый дух императорской эпохи отнимал у человека свободу, исключал случайность. Игра вносила в жизнь случайность. Карточная игра становилась как бы образом нежданной удачи, воплощением поэзии Случая, надежды на счастье, приходящее внезапно. В эпоху, когда головы дворянской молодежи кружились от слова «случай», азартный карточный выигрыш становился как бы универсальной моделью реализации всех страстей, вожделений и надежд. Привлекала именно неожиданность и непредсказуемость. Не случайно Германн в «Пиковой даме», перед тем как встать на роковой путь, пытается противопоставить искушению карт труд честного служака: «Расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты».

Карточные азартные игры, еще в начале XVIII века формально запрещенные и сурово преследовавшиеся, во второй половине века превратились во всеобщий обычай дворянского общества и фактически были канонизированы. Свидетельством их признания явился утвердившийся в 30-е годы XIX века порядок, по которому доходы от игральных карт шли в пользу ведомства Марии Федоровны, то есть на филантропические цели.

Поединок со Случаем в сочетании с жаждой мгновенного обогащения или столь же мгновенной победы над денежным веком порождал стремление видеть именно в карточной игре путь к богатству. Жажда мгновенного обогащения, то есть чуда, составляла психологическую атмосферу игры в карты. Потерю веры в божественную помощь можно было компенсировать надеждой на успехи научного расчета или же шулерским мошенничеством. И то и другое получило широкое развитие. Запутанность реальной жизни, ее иррациональный характер заставляли возлагать надежды на непредсказуемый Случай.

Наиболее красноречивы в этом отношении трагические эпизоды жизни Ф.М. Достоевского-игрока.

Из письма И.С. Тургеневу. 3 (15) августа 1865 г., Висбаден:

«Но третьего года в Висбадене я выиграл в один час до 12000 франков. Хотя я теперь и не думал поправлять игрой свои обстоятельства, но франков 1000 действительно хотелось выиграть, чтоб хоть эти три месяца прожить. Мне и гадко и стыдно беспокоить Вас собою. ...прошу у Вас 100 (сто) талеров» [2, с. 266].

Из письма А.П. Суловой. 10 (22) августа 1865 г., Висбаден:

«Милая Поля... Я не "заслужил" обеда... и так со вчерашнего дня я не обедаю и питаюсь только чаем. Нет выше преступления у немца [хозяина гостиницы – прим. Е.Н. Кулешовой], как быть без денег и в срок не заплатить» [2, с. 267].

Из письма А.Е. Врангелю. 24 августа (5 сентября) 1865 г., Висбаден:

«...недели две тому назад весь проигрался, то есть проиграл всё, что со мной было»; «..пришлите мне на самый короткий срок 100 талеров» [2, с. 272].

Проблема карточной игры делалась для современников как бы символическим выражением конфликтов эпохи. Нечестная игра сопутствовала азартным играм с самого начала их распространения. Однако в 30–40-е годы она превратилась в подлинную эпидемию. Светский шулер сменился шулером – профессионалом, для которого «картежное воровство» сделалось основным и постоянным источником существования. Шулерство сделалось почти официальной профессией, хотя формально преследовалось по закону. Как уже говорилось, дворянское общество относилось к нечестной игре в карты, хотя и с осуждением, но значительно более снисходительно, чем, например, к отказу стреляться на дуэли или другим «неблагородным» поступкам. Профессиональный картежник – шулер становится почти бытовой фигурой. Команды шулеров – постоянные участники шумных празднеств, которые привлекали на ежегодные ярмарки дворян близлежащих уездов часто за сотню верст. Тут проигрывались целые состояния. Команды профессиональных игроков, прикидывавшихся случайно съехавшимися путешественниками,

АЗАРТНЫЕ ИГРЫ

буквально пускали по миру простоватых помещиков, юных офицеров, случайно попавшихся в их сети. Этому посвящены «Игроки» Гоголя: опытного шулера, Ихарева, употреблявшего годы искусства и тренировки на изготовление и применение порошковых карт и сверхсложных «крапов», обманывает команда менее искусных, но еще более хитрых шулеров. Все участники «случайно» собравшейся компании – сотоварищи по шулерскому искусству; простоватый юноша, которого они якобы собираются обыграть и подпаивают, честный отец, вызванный со стороны чиновник – все оказываются членами одной команды, договорившимися обыграть мастера. Единственным «честным» человеком, играющим самого себя, оказывается шулер.

Мир профессиональных картежников в сознании людей той эпохи был противопоставлен идиллической домашней обстановке.

Коммерческие игры создают обстановку семейственного мира и уюта:

Уж восемь робертов сыграли

Герои твиста; восемь раз

Они места переменяли;

И чай несут.

Пушкин. Евгений Онегин

Коммерческие игры – приятное времяпровождение, и завершают их совершенно иные, чем при азартных играх, сцены. Здесь мы не увидим отчаянных игроков, швыряющих под стол разорванные карты, и игры не завершаются выстрелами самоубийц или дуэльными сценами. «Тут же ему всунули карту на вист, которую он принял с таким же вежливым поклоном. Они сели за зеленый стол и не вставали уже до ужина. Все разговоры совершенно прекратились, как случается всегда, когда наконец предаются занятию дельному. Хотя почтмейстер был очень речист, но и тот, взявши в руки карты, тот же час выразил на лице своем мыслящую физиономию, покрыл нижнюю губую верхнюю и сохранил такое положение во все время игры. Выходя с фигуры, он ударял по столу крепко рукою, приговаривая, если была дама: "Пошла, старая попадья!", если же король: "Пошел, тамбовский мужик!" А председатель приговаривал: "А я его по усам! А я ее по усам!"»

Сцены, завершающие подобную игру, носят идиллический характер. Даже споры не выходят за пределы приличий, хотя и бывают порою (это тоже входит в удовольствие игры) вызывающими волнения.

Коммерческую игру тоже вели на деньги, а «забавные», детские игры в провинции, в семейном или дружеском кругу – и на щелчки в лоб и т. д. Здесь проигрыш или выигрыш был только предлогом для возбуждения интереса к игре и не порождал азарта.

Источники:

- 1) Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство, 1994.
- 2) Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. – СПб.: Наука, 1996. – Т. 15. Письма 1834–1881. – 862с.

Что является азартной игрой по законам Российской Федерации? –

См. Статья 171.2 УК РФ / Кодексы и законы РФ.

Режим доступа: <http://www.zakonrf.info/uk/171.2/>